

Что скрывалось за императорским «очищением», оба они прекрасно понимали. Но личная гвардия государя насчитывала более трёхсот отборных воинов, и подавляющее большинство из них были ни в чём не повинны. Они подставляли свои груди под клинки и стрелы, проливали кровь и жертвовали собой. Совсем недавно в охотничьих угодьях эти люди насмерть стояли за жизнь своего повелителя. Неужели теперь, когда среди них объявился один-единственный предатель, все остальные должны разделить его участь?

Да и Лю Пинлоу, с его упрямым, прямым как стрела характером — неужели он действительно мог приложить руку к заговору?

Гнев владыки Поднебесной оборачивается реками крови — на страницах книг эти слова кажутся лишь красивым оборотом, но наяву, столкнувшись с этим лицом к лицу, осознаёшь весь их леденящий узы ужас.

Многие из этих гвардейцев не щадя жизни защищали его в охотничьих угодьях, а Лю Пинлоу ещё недавно гонял с ним мяч на льду во время зимних забав.

Все они были живыми людьми, из плоти и крови.

Тан Цзю, преодолевая боль, попытался приподняться, чтобы подняться с постели, но Янь Юйсюань тут же его удержал.

— Лежи, не двигайся! Твои раны ещё не затянулись.

— Ваше Величество, умоляю вас, подумайте ещё раз! — взмолился Тан Цзю.

Янь Юйсюань медленно нахмурился:

— О чём ты?

— Пусть я и мало знаком с командиром Лю, но знаю его как человека прямого и честного, — неторопливо, но твёрдо заговорил Тан Цзю. — Его преданность вашему величеству безгранична. Он просто не способен на подобное предательство.

Янь Юйсюань молча смотрел на него. На его челе залегла глубокая складка. Наконец он медленно опустил руки и отступил на шаг.

— Я прошу не за чужих людей, я пекусь о благополучии вашего величества, — голос Тан Цзю звучал прохладно, но ровно и неторопливо, неся в себе странное, успокаивающее умиротворение. — Вы и сами видели: когда нагрянули убийцы в чёрном, лишь благодаря отчаянной отваге командира Лю и его гвардейцев мы с благородным супругом Шэнь Кэ и вашим величеством остались живы. Замышляй они недоброе, к чему им было подставлять себя под удары? Ваше величество справедливо опасается, что среди стражи могли затесаться

приспешники мятежного учения. Но большинство-то чисты! Если казнить всех без разбора, это убьёт веру в сердцах преданных вам слуг. И кто тогда решится закрыть вас своей грудью в час нужды?

— К тому же эти воины служат вашему величеству без малого десять лет, их верность проверена временем. Если сейчас разом сменить всю стражу, не облегчит ли это путь для настоящих лазутчиков и злоумышленников, чьё прошлое покрыто мраком?

Янь Юйсюань некоторое время молчал, взвешивая его слова.

— В твоих речах есть доля истины, — наконец произнёс он. — Пусть многие из них и не ведали, что творится за их спинами, но они допустили оплошность на службе. И в этом их вина.

Тан Цзю встревожился:

— Но...

— Довольно, — на губах Янь Юйсюаня вдруг промелькнула мягкая улыбка. — Ты так редко о чём-то просишь меня. Пусть будет по-твоему, я пощажу их. Однако Лю Пинлоу проявил халатность. Избежать плахи он сможет, но наказания ему не миновать.

Тан Цзю наконец облегчённо выдохнул:

— Благодарю вас, Ваше Величество.

В итоге Лю Пинлоу приговорили к ста ударам палками. Любой другой на его месте давно бы испустил дух, и лишь недюжинное здоровье спасло командира от гибели. Его спина превратилась в сплошное кровавое месиво. Пролежав пластом два дня, на третий он всё же заставил себя подняться и, опираясь на плечи слуг, добрёл до дворца Вечного Веселья.

— Лю Пинлоу и триста семнадцать его братьев по оружию вовек не забудут милости Вашего Величества! — Командир тяжело опустился на колени и отвесил глубокий земной поклон.

Он давно усвоил, что близость к престолу подобна близости к тигру. Десять лет он верой и правдой служил правящему дому, не зная за собой греха, а о гнусном предательстве Цзо Ци даже не догадывался. Лю Пинлоу понимал, что заслужил кару за недосмотр, но никак не ожидал, что государь одним росчерком пера решит истребить весь его род до девятого колена.

Пусть сам он заслуживал смерти, но в чём провинились его престарелый отец, верная супруга и трое малолетних детей?

Если бы не заступничество императрицы Линь, его близкие и три сотни боевых товарищей уже брели бы неприкаянными тенями по дороге к Жёлтому источнику.

Глаза командира повлажнели от подступивших слёз. Сдерживая волнение, он вновь коснулся лбом холодного пола:

— Отныне моя жизнь принадлежит вам. Стоит императрице приказать — и Лю Пинлоу без колебаний пойдёт в огонь и в воду!

Тан Цзю поспешил мягко поднять его с колен:

— Не стоит, командир Лю. Я лишь поступил так, как велел мне долг.

Видя, что императрица держится просто и вовсе не пытается выставить себя спасителем, Лю Пинлоу почувствовал укол стыда и глубочайшего почтения. Когда-то он позволял себе колкости и пренебрежение в адрес Линь Цзиньчжи, а тот ответил на зло добром, рискуя навлечь на себя монарший гнев ради его спасения...

Командир вспомнил их недавний разговор в охотничьих угодьях. Убедившись, что поблизости никого нет, он решился и едва слышно прошептал:

— Ваше Величество... Если вы томитесь в этих стенах не по своей воле, я...

Тан Цзю предостерегающе поднял руку. Лю Пинлоу послушно умолк, хотя на душе у него по-прежнему было тяжело.

— Командиру Лю сейчас лучше сосредоточиться на своей службе, — спокойно проговорил Тан Цзю. — Если мне понадобится помощь, я непременно дам знать.

В глазах Лю Пинлоу блеснула решимость. Он склонил голову, ещё раз поблагодарил и, сильно прихрамывая, покинул покой.

Следующие полторы недели Тан Цзю восстанавливал силы. Всё это время, за исключением часов утренней аудиенции и государственных дел, Янь Юйсюань проводил во дворце Вечного Веселья. При дворе и в гареме тут же поползли слухи: несчастье обернулось для императрицы благословением, и он вновь обрёл прежнее влияние.

Вот только сам виновник этих пересудов радоваться не спешил.

Ежедневная необходимость притворяться и любезничать с венценосным мерзавцем утомляла Тан Цзю до глубины души. Стремясь свести любое общение к минимуму, он спал круглыми сутками. Такой режим, впрочем, пошёл на пользу телу: раны затягивались на глазах, ссадины поблекли, а к щекам вернулся здоровый румянец.

Перед тем как отправиться на совет, Янь Юйсюань заглянул к нему:

— Сегодня я вряд ли смогу прийти вечером. Мои люди напали на след Учения Великого Спокойствия. Придётся допоздна держать совет в тронном зале Сюаньчжэн. Если устанешь, ложись без меня.

На душе у Тан Цзю мгновенно запели птицы.

«Наконец-то! Скатертью дорога!»

Все эти ночи ему приходилось делить ложе с императором. Пусть из-за ран Тан Цзю тот не распускал руки, да и сама кровать была поистине огромной, делить постель с этим человеком было сущим наказанием.

подавив рвущуюся наружу радость, Тан Цзю придал лицу самое благообразное и заботливое выражение:

— Вашему величеству тоже следует поберечь себя.

— Непременно, — улыбнулся Янь Юйсюань и, сославшись на нехватку времени, поспешил на аудиенцию.

Как только за государем закрылись двери, Тан Цзю вздохнул с невероятным облегчением. Раскинувшись на постели без малейшего почтения к этикету, он сладко проспал до самого полудня. Проснувшись и наскоро пообедав, он только начал размышлять, чем занять остаток дня, как со стороны заднего окна донёсся едва слышный шорох. Он обернулся и замер: перед ним стоял тот, кого он не видел уже очень давно — Янь Юйчэнь.

При виде князя в груди Тан Цзю словно плеснула тёплая волна предвкушения и радости. Слова сорвались с губ сами собой, прежде чем он успел подумать:

— Ты пришёл!

Осознав, насколько восторженно и совсем не в духе сдержанного Линь Цзиньчжи это прозвучало, он притворно откашлялся и поспешно попытался вернуть себе чинный, величавый вид.

Янь Юйчэнь, как обычно, держал в руках изящную лаковую коробочку для сладостей. Поставив её на стол, он тихо спросил:

— Как твои раны?

— Уже почти затянулись, — Тан Цзю невольно вспомнил весь ужас того безумного дня. — Спасибо тебе. За то, что уберёг меня тогда.

Князь лишь молча кивнул в ответ.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Лишь теперь Тан Цзю почувствовал неладное: Янь Юйчэнь вёл себя совсем не так, как прежде.

Раньше этот несносный мужчина одаривал его тёплой улыбкой и при каждом удобном случае норовил коснуться руки или сказать какую-нибудь колкость, заставляя Тан Цзю смущаться и глупо сентиментальничать. Теперь же гость стоял поодаль, не проронив ни слова, хмурый и отстранённый, словно между ними пролегла невидимая стена.

— Что-то стряслось? — не выдержал Тан Цзю.

— Всё в порядке, — ровно отозвался Янь Юйчэнь.

Его холодность сквозила в каждом жесте, в ледяном прищуре тёмных глаз, заставляя воздух в комнате казаться колючим и морозным.

Радостное возбуждение, охватившее Тан Цзю мгновением ранее, угасло так же быстро, как брошенная в сугроб спичка.

«И зачем только пришёл с таким лицом? Не хотелось видеть меня — мог бы остаться у себя в поместье. А я-то, дурак, ждал его...»

Обида и разочарование разом нахлынули на него. Тан Цзю упрямо поджал губы, отвернулся и решительно зашагал к кровати. Усевшись на край постели, он сердито сгреб в охапку шёлковую подушку и принялся яростно тискать её в руках.

Янь Юйчэнь проводил его долгим взглядом и наконец сдвинулся с места. Подойдя к постели, он изящным движением подобрал полы одеяния, опустился перед ним на одно колено и протянул руку к его правой ноге, намереваясь снять обувь.

Тан Цзю испуганно отпрянул и подогнул ноги под себя:

— Что ты делаешь?!

— Не шевелись, — не терпящим возражений тоном произнёс князь Дуань. Когда он не улыбался, от его лица веяло суровым, почти пугающим величием воина. Тан Цзю невольно заробел под этим тяжёлым взглядом и послушно замер.

Янь Юйчэнь бережно снял с него сапог и, обхватив ладонью тонкую щиколотку, осторожно подвернул штанину. Его пальцы мягко ощупали голень Тан Цзю. Князь вскинул на него глаза:

— Болит ещё?

Горячая ладонь обжигала кожу сквозь ткань. Тан Цзю неловко поёрзал:

— Нет, совсем не болит. Кость уже срослась.

Янь Юйчэнь лишь негромко хмыкнул и опустил край одежды обратно.

«Значит, всё-таки переживает», — обида в груди Тан Цзю понемногу сменилась робким теплом. Он заговорил первым:

— Ты на что-то сердишься?

Янь Юйчэнь поднялся во весь свой немалый рост и в упор посмотрел на него:

— Зачем ты закрыл его собой от стрелы?

Тан Цзю растерянно моргнул.

— Около него крутилась целая свора лучших телохранителей империи. К чему было лезть под наконечник? — Сдерживаемая доселе буря наконец прорвалась наружу. Голос Янь Юйчэня так и звенел от ярости. — Или в твоём сердце всё ещё теплится глупая привязанность к нему?

«Да с чего бы?!»

Тан Цзю хотел было возразить, но как объяснить истинную причину? Рассказать про Систему и необходимость взвинтить уровень раскаяния императора? Это звучало бы полным безумием. А со стороны его поступок и впрямь выглядел как слепая, самоотверженная любовь к предателю.

Он беспомощно приоткрыл рот, но так и не смог выдать ни слова оправдания. Не дождавшись ответа, Янь Юйчэнь горько усмехнулся. В его глазах отразилась глубокая обида. Не проронив больше ни слова, он резко развернулся, намереваясь уйти.

Но в следующий миг князь замер. Он медленно повернул голову и опустил взгляд на край своего одеяния. За шёлк крепко цеплялись тонкие пальцы.

Тан Цзю сам не понял, как вскочил на ноги и поймал уходящего за рукав. При виде этой безмолвной, непреклонной спины его сердце испуганно сжалось. Но стоило Янь Юйчэню обернуться, как он тут же смутился и торопливо разжал ладонь.

— Всё совсем не так, — запинаясь, пробормотал он. — Я давно ничего к нему не чувствую. Правда.

— Просто...

Он лихорадочно соображал, какую ложь состряпать, но мужчина перед ним вдруг тяжело вздохнул — так вздыхает тот, кто в очередной раз признал своё поражение. Шагнув ближе, Янь Юйчэнь крепко обнял его за талию и притянул к себе.

На этот раз Тан Цзю не стал вырываться и кричать о дерзости. Должно быть, память о том, как этот человек согревал его, израненного и замерзающего, лишила его всякого желания сопротивляться. Объятия князя дарили удивительное умиротворение.

«Как же тепло... И так спокойно, словно никакие беды этого мира больше меня не коснутся.»

— Я и правда разозлился, — тихо заговорил Янь Юйчэнь, мягко перебирая его шелковистые волосы и утыкаясь подбородком в макушку юноши. — Злился на то, что ты совершенно не ценишь себя, лезешь в самое пекло.

— И на себя — за то, что проявил оплошность и не сумел тебя защитить.

Его объятия сделались ещё крепче, почти до боли. В глубоком вздохе сквозила горечь пополам с жгучей ревностью:

— Но сильнее всего я злился на то, что пока я сходил с ума от тревоги, все эти дни и ночи у твоей постели проводил другой мужчина.

<http://bllate.org/book/20582/2131283>